

ИСТОРИЯ

Е. С. Бутрин

Кандидат исторических наук, главный археограф
Государственного архива Ивановской области,
г. Иваново, Россия

«Сельский город» в дореформенную эпоху (г. Лух Костромской губернии в XVIII – первой половине XIX в.)

В статье анализируется социально-экономическое развитие г. Лу́ха в XVIII — первой половине XIX вв. Автор приходит к выводу, что в последней четверти XVIII в. на фоне роста российской экономики лухские купцы попытались включиться в популярные торговые тренды, но потерпели неудачу. Вследствие этого в первой половине XIX в. Лух превращается в типичный «сельский город» со слабым развитием ремесла и промышленности. Товарообмен местное население ведет исключительно с прилегающей сельской округой ввиду отдаленности от основных торговых путей.

Ключевые слова: г. Лух, торговля, купечество, промышленность, огородничество, XVIII-XIX вв.

Лух – небольшой городок на одноименной реке в 70 верстах от Волги. Долгое время он имел собственный уезд, приписанный с 1708 г. к Суздальской провинции, с 1719 г. – к Юрьев-Польской и наконец, с сентября 1778 г. – к Костромскому наместничеству. В январе 1796 г. Лух был оставлен за штатом и вошел в Юрьевецкий уезд Костромской губернии. Бросив взгляд на историю Лу́ха XV-XVII вв. увидим, что город никогда не был крупным торгово-ремесленным центром. Первые сведения о его существовании относятся к 1429 г., когда он вместе с Костромой и Плесом подвергся нападению татар. В 1497 г. Лух стал удельным центром — его получил влиятельный литовский князь Ф.И. Бельский, бежавший к московскому государю в 1481 г. После гибели его внука в мае 1571 г. уделом владел валашский господарь Богдан Александрович, а затем до 1595 г. – вдова царевича Ивана Ивановича, Елена Ивановна Шереметева (в иночестве – старица Леонида) [6, с. 18]. Таким образом, в начальный период своей истории город был преимущественно во-

енно-административным центром. В годы Смутного времени Лух неоднократно страдал от нападений: в 1609 г. несколько раз переходил из рук в руки в ходе антитушинского восстания в Замосковье, а осенью 1618 г. подвергся нападению казаков из «взяниковского лагеря».

Дозорные книги И.А. Головленкова 1626 гг. зафиксировали в городе 105 посадских дворов: 37 тяглых, 24 бобыльских, 13 вдовьих и 31 пустой. Военное значение город потерял уже давно – деревянная крепость была ветха, дворов в ней не имелось. На посаде располагались губная и таможенная изба, а также 5 дворов представителей администрации – губного старосты, земского и таможенного дьячков, двух рассыльщиков. А вот осадных дворов было немного – 4 населенных и 9 пустых. На городском торге имелась харчевня, 35 лавок и 14 лавочных мест, промышленность представляли 5 кузниц. Спектр профессий лушан (они обозначены у всех тяглых посадских людей) был весьма традиционен для средневекового города: са-

пожники (4 чел.), сыромятники, овчинники и мясники (по 3 чел.), кузнецы, гончары, портные, калачники, крашенинники, рыболовы и москотильники (по 2 чел.). Выбываются из этого традиционного списка лишь посадские люди, торговавшие луком и чесноком (3 чел.). Для огородов, судя по всему, использовались пустые «селитебные» места — всего лушане арендовали 22 «оброчных места», за которые платили в приказ Владимирской четверти оброка 1 руб. 2 коп. [12, д. 246, л. 1 – 39].

Благодаря стабильной экономической ситуации и масштабным «посадским строениям» 1630-1640-х гг. Лух очень быстро восстанавливает свою численность населения. Согласно переписным книгам кн. С.В. Клубкова-Масальского 1646 г., в посаде числилось 115 тяглых дворов (286 чел.) и 8 бобыльских дворов (13 чел.). Пустых дворов осталось всего два, а в бегах отмечены 4 чел. Численность же осадных дворов сократилась до двух (в них проживали 12 чел.). Профессии отмечены у 60% тяглых посадских людей. Среди них выделяются сапожники (8 чел.), кузнецы (6 чел.), а также огородники (5 чел.), к которым примыкает еще двое «луковников». Жители шести дворов занимались пошивом одежды (портные, рукавичник и нашивочник), пяти — обработкой шкур и кож (сыромятники и овчинники), трех — окраской ткани (красильники), двух — гончарным мастерством (горшечники). Остальные занимались мелкой торговлей: калашники и мясники (по 5 чел.) и щепетильники (4 чел.) [12, д. 12611, л. 153 – 171]. Таким образом, огородное дело, и ранее отличавшее Лух от других небольших городов Верхневолжья, постепенно выходит на ведущие роли в городской экономике. Согласно переписным книгам апреля 1678 г. кн. Я.И. Вяземского, в Лухе имелось 62 посадских двора (246 чел.), 103 бобыльских (291 чел.) и 22 «нищих» (47 чел.). Осадных дворов имелось уже пять — Тихоновой пустыни, кн. А.Б. Хворостининой, кн. И.Д. Борятинского, кн. И.Н. Большого-Белосельского и И.И. Нармацкого (в них проживало 22 чел.) [12, д. 11838, л. 2–18]. Таким образом, третья четверть XVII в. стала весьма плодотворной для развития города — он в полтора раз вырос по количеству дворов и почти вдвое — по численности населения.

Развивалась в Лухе и торговля, хотя специально изучавший местный торг М.Б. Булгаков вполне справедливо отмечает, что Лух считался «медвежьим углом» региона, находящимся вдали от больших водных и сухопутных дорог. Описанный в феврале 1688 г. подьячим Владимирской четверти лухский торг практически не увеличился сравнительно с данными писцовых книг 1626 г.: 34 лавки, 7 лавочных мест, да еще 3 пустых лавочных места. Спектр основных ремесленных профессий не слишком изменился — лавками владели мясники, серебряники, сыромятники, красильники, кузнецы. Но несмотря на некоторое сокращение числа торговых объектов и отсутствие среди них амбаров, свидетельствующих о крупнотоварной торговле, обороты лухского торгова в течение третьей четверти века все же значительно возросли — если в 1640 г. откупщик получил лухскую таможду за 175,9 руб. в год, то уже в 1674 г. она приносила дохода 356,16 руб. Кроме того, лухские торговцы «для торговых промыслов» выезжали в понизовые и иные города, возвращаясь на родину лишь к Рождеству [1, с. 66–70]. К сожалению, в переписных книгах 1678 г., в отличие от предыдущих, «профессиональную» идентификацию тяглеца меняет обычная «фамильная», вследствие чего трудно уловить изменения в спектре занятий горожан в третьей четверти XVII в. Но можно констатировать появление в Лухе двух гостей Суконной сотни — Н.Е. Малокурова и М.Ф. Попова.

Петровские реформы рубежа XVII-XVIII вв. сильно ударили по численности городского населения страны. Не стал исключением и Лух — согласно переписным книгам ландрата Я.Г. Сытина, составленным в октябре 1716 г., в нем имелось всего 154 посадских двора (из них 113 тяглых, 23 солдатских, 7 вдовьих и 11 нищих). В тяглых дворах проживало 635 чел. (308 м.п. и 327 ж.п.), в солдатских — 52 чел. (14 м.п. и 38 ж.п.), в нищих — 29 чел. (11 м.п. и 18 ж.п.), а во вдовьих — 37 чел. (13 м.п. и 24 ж.п.). Кроме того, в Лухе имелось 9 дворов приказных подьячих (22 чел. м.п. и 31 ж.п.), а также 6 осадных дворов (13 чел. м.п. и 9 ж.п.). Пустыми в переписи показаны 34 двора: 14 хозяев умерло, 9 чел. оказалось в бегах, 8 чел. — в солдатах, а еще 2 чел. — в богадельне и монастыре. Кроме того, имелось в городе два двора

купцов Гостиной сотни, принадлежавших И.С. и М.С. Стрежневым. Отмечен в Лухе и женский монастырь при Воскресенской церкви. В нем проживало 16 монахинь и 15 «белиц» [13, д. 229, л. 1–20]. Таким образом, солдатские наборы сильно сказались на посаде — хозяев лишился 31 двор, четверть из которых полностью опустела. В результате рекрутских наборов женское население превосходило мужское почти на 10% (336 чел. м.п. и 407 ж.п.), причем значительная часть солдатских вдов, судя по всему, оказалась в монахинях.

Спектр занятий лухских горожан в середине XVIII в. отражен в ведомостях марта 1761 г., декабря 1763 г., и февраля 1766 г. Согласно им, некоторые лушане имели «промыслы купетцкие», но большинство «пропитание имели от черных огородных работ». Торговым днем в городе был понедельник и к нему Лух приезжали исключительно окрестные крестьяне — с хлебом и лаптями. Ощущалась и конкуренция со стороны других торговых центров — в с. Филисове (22 км на северо-запад от Луха) торговый день был во вторник, а у Николаевского монастыря (4 км на север от Луха) ежегодно 16 июня собиралась небольшая ярмарка [14, с. 156–160]. Как известно, во второй половине XVIII в. в связи с углублением разделения общественного труда многие малые города становятся центрами огородничества — издавна существующее в них подсобное огородничество постепенно превращалось в торговое [9, с. 57–58]. Этому способствовал целый ряд факторов — от свободного уклада городской жизни до роста отходничества из сельской местности на сезонные заработки. В обширном перечне городов, значительная часть населения которых занималась торговым огородничеством, выявленном Л.В. Миловым, фигурирует и Лух — как центр выращивания лука. Впрочем, в число главных луководческих центров этот город не входил — среди них выделялись, прежде всего, Дмитров, Верея и Боровск, лук из которых развозился не только в крупные российские города, но также в Белоруссию и Польшу [8, с. 263, 266].

В конце XVIII в. Лух описывался неоднократно: в экономических примечаниях к Генеральному межеванию, составленных после 1790 г., показано, что «жители в городе большею частью купцы, торг имеют разными

шелковыми, шерстяными и прочими товарами, закупают некоторые хлеб и по реке Волге ставят судами в Ярославль». Из других промыслов отмечалась «кузнечная работа» и «пропитание от огородных овощей». Промышленных предприятий в городе не было, крепостной вал окончательно разрушился — «оной ныне осыпавши, один только вид». В городе имелось три мельницы: водяная на р. Лух «на двух поставах» и две ветряные — на выгонной земле. Численность населения по ревизии 1781 г. составляла 1004 души: 474 м.п. и 530 ж.п. (228 дворов) [5, с. 230–231]. Если в этом итоге действительно учтены все жители города, то численность населения за шесть десятков лет в Лухе выросла всего на 15% (в 1716 г. зафиксировано 853 чел.: 383 м.п. и 470 ж.п.). Более подробные сведения о городе дает в известной книге «Описание Костромского наместничества» (1792 г.) И.К. Васьков.

Приведенные им данные о населении несколько отличаются от сведений экономических примечаний. По его данным, в городе проживало 1325 чел., в том числе 173 купца (87 м.п. и 86 ж.п.), 888 мещан (436 м.п. и 452 ж.п.) и 246 разночинцев (129 м.п. и 135 ж.п.), все — в деревянных домах (их имелось 306). Кроме того, в Лухе находились два казенных дома для присутственных мест, три соляных и один винный магазин, пять питейных домов, герберг и шесть лавок [2, с. 113]. Эти данные вполне согласуются со сведениями дополнительных экономических примечаний по Луху, составленных после оставления города за штатом и включения его в Юрьевецкий уезд Костромской губернии (декабрь 1796 г.). Данный документ свидетельствует, что в Лухе проживало 84 купца (44 м.п. и 40 ж.п.), 1159 мещан (478 м.п. и 681 ж.п.) и 151 разночинец (58 м.п. и 93 ж.п.) [3, д. 1331, л. 1–2]. Таким образом, численность населения города за несколько лет практически не увеличилась, зато сильно изменился его гендерный состав: из 1394 горожан 59% были женщинами (по данным 1792 г. — всего 51%). Таким образом, сильный рост численности городского населения приходится на 1780-е гг., после чего она несколько стабилизируется. Зато ощутимо увеличивается городская торговля: уже у И.К. Васькова имеются сведения о ежегодной ярмарке в Лухе 8 июля. На нее собирались преимущественно «посе-

ляне» из уезда «со своими рукоделиями», покупая на ярмарке «шелковые, гарусные и мелочные товары».

Лухская ярмарка появилась незадолго до этого. Еще в обзоре российских ярмарок М.Д. Чулкова 1786 г. она отсутствует — упоминается лишь Николаевская ярмарка в Тихоновом монастыре, на которую «привозит разных городов купечество шелковые и прочие товары» [15, с. 107]. Зато уже в дополнительных экономических примечаниях в Лухе отмечены деревянные корпуса общественных лавок на 71 номер, построенных явно для ярмарки. На ней, согласно этому документу, торговали «красным и щепетильным товаром, пряжей и армяжными сукнами» [3, д. 1331, л. 3]. Упоминание лавочного корпуса датирует составление этих примечаний первыми годами XIX в., поскольку решение о его строительстве было принято на собрании лухского градского общества по предложению губернатора 2 октября 1799 г. [3, д. 31, л. 1–6]. Кроме лавок, ко времени составления дополнительных примечаний, в городе имелось 320 частных домов, в том числе 6 каменных. А вот численность кирпичных заводов постепенно снижалась: в экономических примечаниях таковых отмечено пять, у Васькова — всего два, а в дополнительных примечаниях — лишь один. Эти простейшие предприятия работали исключительно на внутригородской рынок, вырабатывая кирпич в таком количестве, «какое для печей в сем городе необходимо нужно» [2, с. 115]. Таким образом, лухское купечество постепенно богатели — появился корпус общественных лавок и несколько каменных домов.

Сведения Васькова рисуют картину довольно интенсивной экономической жизни Луха на исходе XVIII в. По его словам, лухские купцы торговали хлебом и скотиной. Хлеб закупался в низовьях Волки, а также на пристанях по Оке и Мокше и доставлялся в Рыбинск. Скотогоны закупали товар в Саратове и Оренбурге, доставляя его в Ярославль и Кострому. Еще одна категория прасолов действовала в местной округе — закупая на «ближних торшках» пушнину, а также домотканые холст и пестрядь, они везли крестьянский товар в крупные торговые города — Москву, Санкт-Петербург, Казань, Нижний Новгород. В обратном направлении шли сукно, стамед (шерстяная ткань) и краска для

домашней «пестрядки». Наконец, на крупные полотняные фабрики (в Шуйскую округу, Кострому и Ярославль) шла также пряжа, купленная у крестьян. Из огородных растений продавались лук, чеснок и морковь — в немалом числе, но исключительно в «ближние места». Ремесленников было немного — отмечены сапожники, кузнецы, портные и плотники — впрочем, «особливых склонностей» к этим делам лухане не имели и «превосходства» в них «не доказывали». Всего в годовом обращении у купцов товара было на 75000 руб. Большую часть пищевой продукции жители города получали из окрестных селений. Соль доставлялась с Эльтонского озера, крупная соленая и мороженая рыба — из Саратова и с Урала, вино покупалось на ярмарках в Парском и Кинешме [2, с. 114–115].

Лухские торги представляются весьма бедными на фоне таких оживленных торговых центров, какими были близлежащие торговые города — Кинешма и Нерехта. В первой население составляло 2053 чел., а годовой торговый оборот — 600000 руб., во второй — население 1744 чел., а торговый оборот 365000 руб. Даже в небольшом Плесе, уступавшем Луху по численности населения (1448 чел.), торговый оборот составлял 200000 руб. Но во всех этих городах имелись полотняные фабрики, а вот в поволжском Юрьевце, где таковых не было, на население в 2255 чел. приходился оборот всего в 90000 руб. Итак, в последней четверти XVIII в. лухские торговцы всеми силами стремятся включиться сразу в три торговых промысла: поволжская хлебная торговля, скотопригонная торговля по маршруту Саратов — Ярославль и наконец, доставка сырья для полотняных фабрик Шуйско-Нерехтского района. Последний путь был самым перспективным — кроме небольшой ярмарки в городе, имелось два более значительных торговых форума в уезде: в слободе при Николаевском монастыре (с 14 по 17 июня) и с. Парском (с 25 по 31 августа). На обоих главным привозным товаром были «гарусные и бумажные товары», а также разные хозяйственные мелочи. Крестьяне в свою очередь, продавали на них холсты, пряжу и «другие рукоделия». На монастырскую ярмарку собиралось до 3000 чел. (оборот 30000 руб.), Парская была крупнее (оборот до 35000 руб.) [2, с. 121]. Но отвоевать

свою нишу на текстильном рынке региона лушанам не удалось.

Источники высоко оценивают значение огородного промысла в Лухе. В дополнительных экономических примечаниях отмечается, что «купцы довольно зажиточны», мещане же преимущественно торгуют огородными овощами, железом и «щепетильными товарами». А.М. Щекатов в своем «Географическом словаре» также указывает, что большая часть лушан «пропитание имеют от черных огородных работ, торгуют разными съестными припасами, живут посредственно и строение у них все деревянное» [16, с. 1210–1211]. Лухская дума, аргументируя просьбу уволить горожан от поставки лошадей для проезжающих, уверяла, что жители «имеют торг в зимнее и летнее время огородными овощами в разъездах». Наместническое правление пошло навстречу, предписав 15 сентября 1795 г. местной управе благочиния лошадей от горожан более не требовать [3, д. 16, л. 16]. Численность лухских купцов и спектр их занятий позволяет оценить ведомость о местном купечестве на 1797 г. В ней учтено 33 семейства — все объявили капитал по 3-й гильдии. Действительно крупным торговцем был лишь Михаил Егорович Второв. Он закупал товара на 20000 руб., а отпускал на 12100 руб. и единственным из лухских купцов кредитовался у посторонних лиц. Торговал Второв холстом, пестрядью, сермяжными сукнами и тулупами. Яков Красильников (торговавший хлебом, салом и кожами по Волге) имел оборот в 3700 руб., остальные же — типичные мелкие торговцы. Они закупали товара на сумму от 2000 до 2500 руб. (в среднем — на 2108 руб.), а продавали на сумму от 2200 до 3000 руб. (в среднем — на 2504 руб.). Таким образом, средняя годовая прибыль лухского купца составляла около 400 руб. [3, д. 28, л. 7–12].

Кроме Второва, холстом, пестрядью и пряжей торговали трое купцов, двое — только пряжей, один — пряжей и мелочным товаром, а Федор Соколов — шелковым и золотым товаром. Двое купцов специализировались на «мелочных и харчевых припасах», один торговал хлебом, салом и кожами, еще один — хлебом и мясом. Петр Иголкин вел торг кадками, ведрами и «прочей посудой» вплоть до Таганрога и Саратова, а Афанасий

Стрежнев гонял рогатый скот от Саратова и Оренбурга до Ярославля и Костромы. Наконец, остальные купцы (18 из 33 чел.) в свои занятия обязательно включали продажу овощей. При этом «чистых» торговцев овощами было немного (7 чел.), четверо торговали овощами вместе с рыбой и хлебом, трое — вместе с медом, пряниками, орехами и свечами, по одному — вместе с мясом, вместе с мылом и вместе с кирпичом. Наконец, Михаил Винокуров в качестве основного дохода имел содержание ветряной мельницы, а торговля овощами доставляла ему дополнительный заработок. Значительный оборот из купеческой мелкоты имели упомянутые выше Соколов и Стрежнев (по 2700 руб.), а самый крупный — один из торговцев пряжей, Никон Курицын (3000 руб.). Таким образом, к концу XVIII в. уже большая часть лухского населения включилась в овощную торговлю, и лишь пятая часть купцов (7 чел.) занимались торговлей холстом и пряжей (ключевой для Верхневолжского региона). Еще можно заметить, что лишь двое купцов связаны с промышленными объектами — кроме мельника Винокурова, это имевший кирпичный завод Иван Костаков. Но доходы у них были минимальными (прибыль составляла 510 руб. на двоих).

В годы экономического расцвета в последней четверти XVIII в. лухским купцам не удалось выдержать конкуренцию в наиболее популярных отраслях торговли. Причиной тому во многом было не слишком удачное географическое положение города — не несудоходной реке, в стороне от основных торговых трактов. В результате после реформы 1807 г., по которой низший порог «гильдейского капитала» был повышен до 8000 руб., численность лухских купцов резко сокращается. Уже в 1810 г. капитал 3-й гильдии по Луху объявили 24 чел., в 1811 г. — 17 чел., а в 1813 г. — всего 10 чел. В дальнейшем положение несколько улучшается: в 1816 г. по Луху объявлено 18 капиталов. В 1824 г. после реформы Е.Ф. Канкрин лухские купцы объявили 4 капитала по 2-й и 13 капиталов по 3-й гильдии. Однако уже два года спустя число капиталов уменьшилось до десяти (4 по 2-й и 6 по 3-й), а с 1829 г. лухские торговцы объявляли капитал только по 3-й гильдии. Низшей точки падения лухская торговля достигла в 1830 г. (всего 6 купцов 3-й гильдии). В тече-

ние следующих двух десятилетий их численность колебалась от 7 до 10 чел. В 1852 г. она поднялась до 14 чел., а в 1856 г. капитал по Луху объявили уже 18 купцов 3-й гильдии [3, д. 840, л. 21–22 об.]. Таким образом, в первой половине XIX в Лух окончательно превращается в захолустный город, специализировавшийся исключительно на товарообмене с ближайшей округой и преимущественно — производстве и продаже овощей.

Никаких предпосылок к развитию ремесла и промышленности в городе не было. Согласно ведомостям за 1841 и 1853 гг., лухане платили налоги с 10 кузниц [3, д. 398, л. 31–33; д. 698, л. 28 об.–29]. В ведомости 1857 г. в Лухе отмечено 11 кузниц, в которых трудились 22 чел. (по одинаковому числу хозяев и работников). В год они производили продукции на 910 руб. (от 50 до 150 руб.). В 1874 г. в городе также имелось 11 кузниц, где трудилось 22 чел. (объем производства — 1550 руб.). Не слишком менялся и состав других ремесленников. В 1857 г. в Лухе работали 10 портных (1 работник), 9 сапожников (4 работника), 3 столяра (2 работника), по одному позолотчику, живописцу и иконописцу [3, д. 840, л. 25–27 об.]. В ведомости 1860 г. отмечены 7 булочников (10 работников), 7 пряничников (10 работников), 9 мясников (15 работников), 10 кузнецов (22 работника), 7 печников (15 работников), 7 сапожников (13 работников), 10 портных (20 работников), 8 «позолотчиков» (15 работников). Выделяется также шляпник, у которого было 3 работника и 5 учеников. Остальные профессии представлены небольшим числом лиц: по 5 извозчиков и ткачей, 4 стекольщика, по 3 плотника, тележника, перчаточника и горшечника, по 2 столяра, бондаря, маляра, кровельщика, трубчиста, живописца и рыбака, а также лудильщик, коновал, часовщик и серебряник. Всего в городе учтено 109 ремесленников, у которых имелось 127 рабочих и 34 ученика. Еще 50 чел. относились к категории «чернорабочих» [3, д. 951, л. 74].

Сравнивая эти данные с показаниями списка лухских ремесленников два года спустя (за 1862 г.), можно отметить, что состав их несколько изменился: исчезают тележники, перчаточники, горшечники, живописцы, а также шляпник (12 чел.), появляются каменщики (3 чел.), шапочники (2 чел.), а также медник, овчинник, валенщик и изготовитель

саней. По многим профессиям численность мастеров осталась идентичной, а вот количество работников изменилось практически везде — в большую или меньшую сторону. К 1862 г. резко сократилось число позолотчиков (с 8 до 2 чел.), незначительно — портных (с 10 до 8 чел.), печников (с 7 до 6 чел.) и столяров (с 2 до 1 чел.), зато сильно выросло число ткачей (с 5 до 10 чел.). Всего в ведомости 1862 г. учтено 99 мастеров и 103 рабочих, еще 80 чел. обозначены в качестве «чернорабочих» [11, табл. 12]. Таким образом, в первые пореформенные годы численность лухских ремесленников скорее сокращается, все больше мещан переходит в категорию «чернорабочих». Судя по всему, в нее попадали лица, преимущественно занимавшиеся выращиванием овощей и периодически — работой по найму. Сведениям отчетов городской Думы о городском населении следует доверять с серьезными оговорками: в них попадали приписные мещане, в Лухе не проживавшие. В отчете за 1853 г. в Лухе фигурирует 116 купцов (55 м.п. и 61 ж.п.) и 1529 мещан (688 м.п. и 894 ж.п.) [3, д. 702. Л. 41]. В отчете за 1860 г. цифры еще более впечатляющие: 10 разночинцев (4 м.п. и 6 ж.п.), 25 чел. дворян (10 м.п., 15 ж.п.), 25 чел. крестьян (10 м.п. и 15 ж.п.), 81 чел. духовенства (31 м.п. и 50 ж.п.), 85 чел. солдат (33 м.п. и 52 ж.п.), 341 чел. купцов (170 м.п. и 171 ж.п.) и 1959 чел. мещан (820 м.п. и 1139 ж.п.) [3, д. 951. Л. 44]. Таким образом, по этому отчету, в Лухе проживало 2526 чел., из них мужчин — всего 1078 чел. (42,7%). Эта цифра конечно, сильно преувеличивала количество горожан.

По данным за 1862 г. в Лухе было всего 1798 жителей: 7 чел. крестьян (4 м.п., 3 ж.п.), 14 чел. разночинцев (6 м.п., 8 ж.п.), 23 чел. дворян (9 м.п., 14 ж.п.), 66 чел. духовенства (26 м.п., 40 ж.п.), 99 чел. солдат (40 м.п., 59 ж.п.), 163 чел. купцов (85 м.п., 78 ж.п.) и 1426 мещан (693 м.п., 733 ж.п.) [11, табл. 1]. К 1870 г. численность жителей города увеличилась лишь до 1985 чел. (примерно на 10%): 8 чел. дворян (5 м.п., 3 ж.п.), 11 чел. разночинцев (7 м.п., 4 ж.п.), 54 чел. солдат (8 м.п., 46 ж.п.), 90 чел. духовенства (43 м.п., 47 ж.п.), 106 чел. купцов (53 м.п. и 53 ж.п.), 134 чел. крестьян (60 м.п., 74 ж.п.), 1582 чел. мещан (781 м.п., 801 ж.п.) [10, табл. 7]. Как видим, численность городских жителей в первое пореформенное десятилетие выросла весьма не-

значительно и преимущественно — за счет переехавших в город крестьян. При этом благосостояние жителей оставалось на прежнем уровне: в 1860 г. в Лухе имелось 3 каменных и 302 деревянных частных домов, в 1870 г. — 5 каменных и 336 деревянных. Эти показатели не слишком отличались от данных, приведенных в дополнительных экономических примечаниях начала XIX в.

Основные занятия лухских граждан описываются в источниках примерно одинаково. В 1848 г. главным занятием жителей называется мелочная торговля и разведение лука, «который продают в разные места» [4, с. 103—104]. В 1861 и 1862 гг. вновь сообщается о разведении лушанами лука, «который большими партиями отправляется оттуда в разные места» [7, с. 625; 11, с. 316]. Эти данные дополняются сведениями из городских отчетов. В 1851 г. Дума сообщала, что купцы занимались сбытом «москательного и бумажного товара». Но большая часть мещан развозила для сбыта «в разные окрестные селения» выращенные в городе овощи и огородные семена «в малозначительном количестве», а также «бумажное тканье». Взамен они получали бумажную пряжу и овощные семена «в гораздо меньшем количестве против сбыта». Еще немногие горожане «переторговывали вовсе незначительно хлебом из возов по рознице» [3, д. 638, л. 7—9 об.]. Два года спустя «внутренняя торговля уменьшилась по случаю малого урожая разных огородных овощей и от существующих в летнее время сильных дождей». Дожди размывали дороги, так что «закупка и распродажа товаров для торговцев была весьма затруднительна» [3, д. 702, л. 18—19 об.]. Согласно отчету 1862 г. «внутренняя торговля не увеличилась, потому что урожай огородных овощей был не более прошлогоднего» [3, д. 1009, л. 14—15]. Обороты «настоящих» купцов, торговавших в городе «красными, москательными, бумажными и хлебными товарами», не превышали 2400 руб. у каждого. Больших успехов в огородничестве лушане, однако, не добивались. Согласно отчету за 1874 г., арендованные у города земли местные мещане засаживали «луком, картофелем, огурцами, капустою и другими овощами», сбывая их как в городе, так и на окрестных базарах, «чем самым и обеспечивают себя продовольствием». Урожай был невелик — «по средней сложности

луку сам-4» [д. 1311. Л. 14—16]. Таким образом, продукция лухских огородников развозилась отнюдь не в дальние места, а на местные крестьянские базары. На них же мещанами приобреталась пряжа, которая зимой перерабатывалась в домотканые холсты. Исключительно этим и жила не ремесленная часть городского населения.

Крупных промышленных предприятий в Лухе не появилось. Согласно ведомостям 1853 г., Дума «из давнего времени» сдавала землю под кирпичный завод (57 кв. саж.) и клейный завод (100 кв. саж.) [3, д. 698, л. 28 об.—29]. В апреле 1846 г. купец А.А. Мочалов сообщил, что «желает выстроить деревянный для выделки кож завод» и получил под него 1600 кв. саж. земли [3, д. 498, л. 1—5]. В феврале 1847 г. выделить 400 кв. саж. под строительство деревянного чугунолитейного просили купец Е.П. Наваркин и мещанин М.П. Чертулин [3, д. 508, л. 1—8 об.]. В ведомости 1848 г. отмечены кожевенный завод с объемом производства в 3075 руб., поставлявший продукцию в Москву, клейный (160 руб.) и два чугуноплавильных (250 руб.) — они сбывали свои товары в Шую [4, табл. 15.] Вскоре владельцы чугунозного завода разделили производство: в отчете за 1851 г. лушане отмечают лишь один чугунозный завод (с выработкой в 600 руб.), устроенный мастером «без найма рабочих собственным семейством в сарае на выгонной земле» [3, д. 638, л. 5—6]. А в ноябре 1853 г. 150 кв. саж. земли под строительство своего чугунолитейного завода просил выделить М.П. Чертулин. Однако губернское правление в феврале 1855 г. просителю отказало [3, д. 735, л. 1—32]. На кожевенном заводе по данным за 1852 г. трудился мастер и 14 работников [3, д. 749, л. 7 об.—8]. В том же году после смерти прежнего владельца завод достался П.Д. Мочалову, а в феврале 1858 г. перешел к балашовскому мещанину И.Ф. Сачкову. На некоторое время он свою работу прервал: в обзоре промышленности Костромской губернии за 1861 г. этот кожевенный завод не фигурирует [7, с. 372—375].

В 1859 г. землю под строительство чугунозных заводов получили мещане М.П. Чертулин (200 кв. саж.) и В.В. Сурин (80 кв. саж.) [3, д. 1229, л. 1—6, 14—18]. Оба завода были выстроены еще ранее «без разрешения начальства»: отчете городской Думы за 1857

г. фигурируют три чугунных завода — М.П. Чертулина (3 чел., выработка 1000 руб.), В.В. Сурина (2 чел., выработка 400 руб.) и А.Е. Наваркина (1 чел., выработка 800 руб.). Кирпичный же завод в этом году закрылся [3, д. 840, л. 25–27 об.]. Вскоре был ликвидирован и старейший чугунолитейный завод А.Е. Наваркина. В отчете 1860 г., в Лухе фигурируют кожевенный завод (7 чел., выработка 5000 руб.), два чугунных — В.В. Сурина и М.П. Чертулина (5 чел., выработка 1400 руб.) и два кирпичных «малозначительного производства» (5 чел., выработка 500 руб.). В июле 1868 г. Н.В. Сурин просил выделить ему для строительства «чугунолитейного ручного заведения» 200 кв. саж. выгонной земли — и год спустя получил соответствующее разрешение [3, д. 1205, л. 1–40]. В 1870 г. на заводах Суриных и Чертулина трудились по 4 чел. (всего 12 чел.), у И.Ф. Сачкова — 5 чел. К 1874 г. число заводов (за исключением ликвидированных кирпичных) не изменилось. Кожевенный завод с 6 рабочими вырабатывал продукции на 6500 руб., два чугунных завода Н.В. Сурина и М.П. Чертулина с 5 рабочими — на 2700 руб. (завод В.В. Сурина, на котором трудились 2 чел., сгорел в 1873 г.) [3, д. 1311, л. 2–3].

Немногие из мелких ремесленников выбивались в купцы: согласно ведомостям 1851 и 1853 гг., раздачей «бумажных китайчатых основ для тканья» занималась В.И. Доброхотова. Еще одним купцом стал Ф.Д. Дьяконов, который валял «теплые сапоги» и торговал ими [3, д. 638, л. 22–22 об.; 3, д. 702, л. 31–32]. Приезжие крестьяне доминировали в двух ремесленных отраслях. Согласно ведомости 1845 г., пятеро крестьян занимались раздачей пряжи для «домашнего тканья» лухским мещанам, а еще двое — ее окраской. Кроме того, в том же документе обозначены лавки семерых крестьян, продававших рукавицы, башмаки, сапоги и иной кожаный товар, который они сами и изготавливали. Таким образом, приезжим принадлежало почти треть лавок в городе — 15 из 47. [д. 468, л. 7–18]. По ведомости 1852 г., двое крестьян торговали из лухских лавок холстом и крашениной, по одному — шляпами и сапожным товаром [3, д. 749, л. 5–12]. В ведомости 1854 г. фигурируют также пятеро крестьян, красившие в своих домах пряжу и возившие ее в Лух для раздачи жителям. Впро-

чем, их общий торговый оборот составлял всего 400 руб. Двое крестьян торговали кожаными сапогами, двое — шапками, еще по одному — крашеным холстом и железным товаром [3, д. 777, л. 6–17].

Как видим, именно крестьяне приносят в город многие ремесла, зарегистрированные в отчетах за 1860 и 1862 гг. и постепенно прибирают к рукам мелкую ремесленную торговлю. Согласно ведомости 1870 г., из 78 торговых объектов (исключая питейные и трактирные заведения), почти половина (38) принадлежало крестьянам. Они оставили за собой торговлю овчинами (5 чел.), рукавицами и шапками (по 3 чел.), сапогами и крашеной пряжей (по 2 чел.). Кроме того, продавали крестьяне и иные товары — пестрядь, конскую сбрую, меховые воротники, сундуки, фарфор, снурки и тесьмы, постное масло. Но главным образом, им удалось перехватить у мещан мелочную хлебную торговлю — 7 чел. продавали «хлебный товар», а еще 9 чел. торговали печеным хлебом [3, д. 1235, л. 1–32]. В целом же оборот лухского торгового рынка не слишком изменился. В ведомости 1845 г., кроме крестьянских торговых объектов, отмечены три универсальных лавки — в них продавалось все, от сахара и чая до башмаков и перчаток. В восьми лавочках торговали «мелочным товаром», в пяти — «простыми крестьянскими лакомствами», в четырех продавали железный товар, столько же специализировались на мыле и свечах, по две лавки — на пряже, полотняном товаре и табаке, а еще по одной — на конской упряжи и привозных «съедобных припасах». К 1870 г. 12 принадлежащих мещанам и купцам торговых объектов в Лухе занималась продажей хлеба, 7 лавок торговали «панским товаром» (сукнами, шерстью, ситцем и шелком), 6 — мелочным товаром (снурки, тесьмы, кресты, цепочки, серьги), по 3 лавки — железом и «простыми лакомствами», по 2 — свечами и мылом, табаком и бакалеей, и наконец, по 1 — оконными рамами, печеным хлебом и мясом. Таким образом, кроме кузнецов, продажей собственных товаров не занимался практически никто — крупные лавки принадлежали купцам, которые везли товары с Волги и с местных ярмарок (хлеб и сукна), «мелочные» — мещанам, перепродававшим товары, купленные на сельских базарах у крестьян.

Таким образом, дореформенный Лух представляет собой интересный феномен «сельского города», не изменившего экономической структуры фактически с середины XVIII в. В последней четверти XVIII в. на фоне общего экономического подъема, лухские купцы попытались включиться в доминирующие тренды (прежде всего, доминировавшую в регионе торговлю полотняными товарами), но потерпели неудачу. После этого Лух вплоть до середины 1870-х гг. «застывает» в положении города с отсутствующим промышленным производством и «средневековым» ремеслом. Единственными «нарушителями» этого покоя становятся предприимчивые крестьяне, которые начиная с 1840-х гг. захватывают несколько ремесленных отраслей и все более проникают в традиционно «мещанские» отрасли местной торговли. Именно крестьяне доставляют в Лух пряжу, раздавая ее для обработки мещанам и перерабатывая таким образом, с ног на голову обычную схему «рассеянной мануфактуры». Единственной отраслью торговли, кормившей большинство жителей города, становится огородничество. Но ввиду отдаленности от магистральных торговых путей и неудачного географического положения, оно не приобретает товарный характер, а замыкается в рамках местной округи. Лухские мещане доставляли на сельские базары выращенные в городе овощи (прежде всего, лук), а обратно везли пряжу, хлеб и немудреные «мелочные товары». Промышленность в городе состояла из нескольких небольших заводов, на которых работало не более 20 чел. Численность населения увеличивалась преимущественно за счет естественного прироста. Дворяне и чиновники в городе не проживали, да и крестьяне после реформы 1861 г. устремляются преимущественно в более развитые торгово-промышленные центры. Ярмарка в городе не выросла с конца XVIII в., сильно уступая двум крупным торговым форумам, проходившим в близлежащих местностях: крупнейшей в губернии Ивановской ярмарке в с. Парском и Тихоновской в Подмонастырной слободе (по данным 1857 г. на Ивановскую ярмарку привозилось товаров на 527000 руб., на Тихоновскую — на 9300 руб., а на Казанскую в Лухе — всего на 4000 руб.) [7, с. 420—423].

Библиографический список:

1. Булгаков М. Б. Местный торг малого города в XVII в. (на примере г. Луха) // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI-XIX вв.: сборник материалов Второй международной научной конференции. Курск, 2009.
2. Васьков И. К. Описание Костромского наместничества вообще. 1792 год / Сост. О.С. Куколевская. Кострома, 2019.
3. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 896. Оп. 1.
4. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 4. Ч. 3. Костромская губерния. СПб., 1848.
5. Города Российской империи в материалах Генерального межевания / Подг. к изд. Д.А. Черненко, А.А. Голубинский, Д.А. Хитров. Т. 1. Тула, 2016.
6. Кабанов А. Ю. Территориальная реорганизация Суздальского уезда во второй половине XVI — начале XVII вв. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 1.
7. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Костромская губерния. СПб., 1861.
8. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001.
9. Милов Л. В. О так называемых аграрных городах в России XVIII века // Вопросы истории. 1968. № 6.
10. Обзор Костромской губернии за 1870 год. Кострома, 1870.
11. Памятная книжка Костромской губернии на 1862 год. Кострома, 1862.
12. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1.
13. РГАДА. Ф. 350. Оп. 1.
14. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1771.
15. Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего. Т. 6. Кн. 4. М., 1786.
16. Щекатов А. М. Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком. Ч. 3. М., 1804.